
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VI

Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Позднеева

Составитель И. В. Кульганек

Санкт-Петербург

2003

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Ответственный редактор

С. Г. Кляшторный

Редакционная коллегия

Н. С. Яхонтова, С. Д. Дмитриев, И. В. Кульганек

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 02-04-16155д

Mongolica-VI: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. — 160 с.

М 77

Сборник посвящен 150-летию со дня рождения видного российского монголоведа, профессора кафедры монгольской словесности восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета, а позже, в течение 20-ти лет, — директора Восточного института во Владивостоке, — Алексея Матвеевича Позднеева (1851—1920), оставившего большое научное наследие, подготовившего плеяду своих последователей монголоведов: историков, филологов, лингвистов, литературоведов.

В этом сборнике представлены статьи, главным образом петербургских и московских ученых, по проблемам, которые занимали А. М. Позднеева в разные этапы его научной деятельности.

В них развиты мысли, углублены гипотезы, предположения, наблюдения и выводы, высказанные ученым в своих трудах, посвященных истории, этнографии, религии монгольских народов.

«Монголика-6» имеет 4 раздела: «Источниковедение и историография», «Из рукописного наследия», «Литературоведение и фольклористика», «Из архива востоковедов», «Наши переводы».

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Корректор — *А. Востоковедова*

Технический редактор — *М. В. Вялкина*. Выпускающий — *О. И. Трофимова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 20.05. 2003. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1032

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 5-85803-250-8

9 785858 1032502

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, 2003

© И. В. Кульганек, составление, 2003

© «Петербургское Востоковедение», 2003

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

<i>И. В. Кульганек</i>	Предисловие	5
<u><i>Н. П. Шастина</i></u>	А. М. Позднеев. (Подготовка к печати, примечания <i>А. Г. Сазыкина</i>)	7
<i>В. Л. Успенский</i>	Монгольские, ойратские и тибетские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. М. Позднеева	19
<i>И. В. Кульганек</i>	Фонд А. М. Позднеева в Архиве востоковедов при СПбФ ИВ РАН	24
<u><i>И. И. Йоршиш</i></u>	Важнейшие события жизни и деятельности А. М. Позднеева	26

Источниковедение и историография

<i>П. О. Рыкин</i>	Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст.	28
<i>Е. Н. Афонина</i>	К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507—1581)	39
<i>С. В. Дмитриев</i>	Атызы Йоллыг-тегин. Этнод из области тюрко-монгольской традиционной политической культуры	48
<i>В. Н. Митин</i>	Некоторые вопросы деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1941—1953 гг.	55
<i>А. Г. Юрченко</i>	Монгольская мужская прическа XIII века	63
<i>А. А. Бурыкин,</i> <i>О. Ю. Коробейникова</i>	Слова «калмык», «калмыцкий» в русском языке XVIII века	69

Из рукописного наследия

<i>А. Г. Сазыкин</i>	Ойратская версия «Манджушри нама сангити»	73
----------------------	---	----

Литературоведение и фольклористика

<i>Б. М. Нармаев</i>	Гесар и ад	82
<i>А. Д. Цендина</i>	Куда исчез Джамуха?	86
<i>Л. Г. Скородумова</i>	Особенности беллетризации в современной монгольской литературе	91
<i>В. К. Шивлянова</i>	Два варианта монгольской народной охотничьей песни	94

Из архива востоковедов

	Письма В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу (1925—1936 годы). (Подготовка к печати, предисловие и примечания <i>А. М. Решетова</i>)	96
<i>А. Г. Юрченко</i>	История изучения «Книги о Тартарах» Иоанна де Плано Карпини	114
<i>Я. П. Шишмарев</i>	Письма Я. П. Шишмарева к Н. М. Пржевальскому. (Подготовка к печати и примечания <i>А. И. Андреева</i>)	118
<i>С. А. Кондратьев</i>	Стихи о Монголии. (Предисловие <i>И. В. Кульганек</i>)	124

Наши переводы

<i>Л. Дашням</i>	Сон (рассказ), Четыре времени года и одно чувство (стихотворение). (Перевод с монгольского <i>Л. Скородумовой</i>)	135
<i>Д. Батбаяр</i>	Небо любимой (рассказ), прозаические миниатюры, афоризмы. (Перевод с монгольского <i>М. П. Петровой</i>)	137
	Монгольские народные песни. (Перевод с монгольского <i>И. В. Кульганек</i>)	142
<i>А. И. Андреев</i>	Открытие музея <i>П. К. Козлова</i>	144
	Рецензии	146

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Л. Дашням

Сон

Похоже, Отгонзул, опять поздно вернется. Ушла и даже не подумала приготовить что-то на ужин.

С тех пор, как дети уехали в Америку учиться, в доме у Отгонзул во всем строгий порядок, все вещи на своих местах, кругом чистота. Дом опустел, давящая тишина поселилась в нем.

Муж тоже от дома отбился. Под предлогом, что надо для детей «похлопотать там, это достать», не помогает ей в домашних делах. И раньше-то немного помогал, а теперь и совсем отдалился.

Но она и сама не любит, когда муж мешается на кухне. Не мужское это дело. Муж должен зарабатывать деньги, обеспечивать семью, находить работу себе где угодно, только не дома. Муж и жена не привыкли вмешиваться в дела друг друга, научились понимать друг друга без слов.

И на этот раз Очирсурэн даже не спросил жену, куда она уходит, надолго ли, почему так задерживается. Он будто понял, почему она так торопится убежать из дома. Придя домой с работы и не обнаружив ужина, он слегка огорчился, но тут же подумал: «Да скоро, наверно, придет». Переоделся, прилег и задремал. Даже заснул. Через час проснулся, посмотрел на часы.

Прошел целый час, но жены не было. «Куда она запропастилась? Куда-то уходит, потом приходит... Ничего неизвестно!» — бормотал. Но все же решил, что для него сейчас нет ничего лучше, чем просто лечь спать. Не успев заметить, как холодна постель, он нырнул под одеяло и тут же уснул.

Отгонзул в последнее время то и дело куда-то уходила и возвращалась в полночь или еще позже. На ут-

ро всегда просыпалась в хорошем настроении, была весела и бодра, напевала тихонько разные мелодии, своим видом показывая, что все дела у нее спорятся, она в прекрасном расположении духа. Но он никогда не интересовался, куда она уходит, не решался спрашивать знакомых, чтобы не волновать себя лишней раз. «Пусть гуляет, вольному воля», — думал он.

Ему снилось, как он в юности впервые познакомился с Отгонзул, как страдал, тосковал по ней в короткие дни разлук. Вновь все это он пережил во сне. Вдруг видение резко переменялось. Ему пригрезилось родное кочевье — прекрасная цветущая долина. Он скачет верхом на рыжем коне, который отец подарил ему еще в детстве, и что-то поет. Хочет громче спеть, но не может — голос как будто охрип или, может, это тихая невыразимая молитва звучит в душе. И так ему легко и хорошо, словно он парит в сказочной волшебной стране. Видит он, что с противоположного холма спускается к нему мать. Слезы навернулись ему на глаза, почувствовал горячую влагу на щеке. Он будто и говорит ей: «Мама, почему ты так рано оставила меня? Я тогда был беден, а теперь могу отправить тебя на отдых в любую страну мира, куда ты только пожелаешь. Я все для тебя сделаю. Но сначала поезжай вслед за своими внуками в Америку, там так хорошо!» Голос у него осекся, он еще что-то хотел сказать и не смог...

Мать подошла к нему. Она была молода и очень красива. Видно было, что сильно соскучилась по сыну. Она его поцеловала так нежно и ласково, как только это умеет мать.

«После того, как ты покинула нас, я старался честно жить, делать людям добро. Вот поэтому и сам теперь хорошо живу. Как ты и наказывала, я ни минуты не сидел в праздности, старался все делать ради жены и детей. Мама, как хорошо, что ты пришла. Раньше я не мог сделать тебя счастливой, порадовать, я в долгу перед тобой. Постоянно об этом жалею. А теперь...»

«Сынок, я все знаю. Знаю, что вы стали хорошо жить. А как я счастлива, ты бы знал! Старайся, сынок, работай, трудись! Но почему нет моей невестки, Бумбурэй? Она очень изменилась в последнее время. Поговори с женой. Ей не хватает твоей заботы и ласкового слова. Она запуталась, мечется, ищет что-то, совсем растерялась. Будь хорошим мужем, сынок. Я смотрю на тебя и радуюсь, я счастлива. Все у тебя получается. Живи хорошо, сынок. Зачем нам эта Америка! Зачем весь мир! То, чего здесь нет, увидишь после смерти. Пойми это! Надо лучше понять то, что рядом, у себя дома. Вы сначала поймите Монголию! Послушайте голос своих предков!...»

Потом она снова нежно поцеловала его. Незабываемый поцелуй! И торопливо удалилась.

Очирсурэн хотел броситься следом за матерью, да ноги были скованы и не слушались его. Хотел крикнуть ей вслед, но голос охрип, будто весь он был связан путами.

«Мама, подожди меня! Мне надо поговорить с тобой!» — будто кричал он, но звуков не было.

Перед ним сияла пустынная долина. Смутно можно было различить фигурку матери, удаляющуюся от него в сторону сияющих вершин далеких гор.

Очирсурэну ничего не нужно было от матери. Он только хотел, чтобы она подождала Отгонзул, тогда бы они вдвоем спросили, где та была и куда всегда уходит из дома. Она ведь скоро должна прийти, — он крикнул ей эти слова изо всех сил, но мать даже не оглянулась. Вместо этого он услышал, как кто-то трясет его и зовет:

— Эй, Очирсурэн, проснись, ты что!

Он открыл глаза. Перед ним стояла Отгонзул.

— А-а, ты пришла. Сколько времени?

— Два часа.

Очирсурэн вытер слезы. Он только сейчас заметил, что все лицо мокрое.

Действительно, часы на стене показывали два часа ночи...

Четыре времени года и одно чувство

Летом на озере плачет зуун хурга — птица перелетная.

Щемящую тоску, боль в груди куда спрячешь?

О тебе все думаю.

В осеннем небе кучкой верблюжат хмурые облака клубятся.

Неразумные слова пронзают сердце, печалью полна душа —

О тебе все думаю.

Серебрится капризный ручей в морозной долине.

Мысли спутались, распалась связь времен —

О тебе все думаю.

Вот и журавлиный клин в вышине, тепло скоро.

Первое свидание вспоминаю, так тоскую и

О тебе все думаю.

1987

Перевод с монгольского Л. Скородумовой

Д. Батбаяр

Дармаагийн Батбаяр (род. 1941) пришел в монгольскую литературу в середине 1960-х. Сегодня он признанный мастер прозы. Д. Батбаяр — автор нескольких сборников рассказов, психологических повестей и романа. В монгольских театрах идут его пьесы. Мы представляем русскоязычному читателю рассказы, стихотворение и афоризмы из новой

книги Д. Батбаяра «Небо любимой» (Батбаяр Д., Амрагийн тэнгэр. УБ., 2000), где автор обращается к темам первой любви, смысла человеческой жизни.

Творчество Д. Батбаяра дает яркое представление о состоянии монгольской литературы сегодня и тенденциях ее развития в будущем.

Небо любимой

Каким же замечательным было то лето! Наши семьи стояли на летнем пастбище на высоком плоском берегу реки Чулуут. Девушку из соседнего айла звали Халиуна. Она была старше меня. В один прекрасный день я заметил на губах Халиуны странную улыбку, поразившую мое воображение так, что я застыл столбом на месте.

— Что с тобой? Что смотришь? — спросила Халиуна и снова улыбнулась своей странной улыбкой.

— Тебя кто-нибудь пощекотал что ли? — в свою очередь улыбнулся я.

— Что значит пощекотал? Никто меня не щекотал. А что?

— А то, что ни с того ни с сего улыбаешься, почему бы это?

— Ах ты! Все заметил! Ну, это хорошо. Не будешь зорким, счастье мимо тебя пройдет.

— Так над чем же ты смеялась?

— А ты что тоже хочешь посмеяться?

— Ага.

— Куда тебе! Еще нос не дорос! Тебе чуть ножки пощекочи, ты и захохочешь. До смерти хохотать будешь, а не засмеешься.

— Не засмеюсь? Значит, хохотать и смеяться — разные вещи?

— Конечно разные. Смех идет из глубины души человека. А снаружи хоть сто раз щекочи, только хохотать будет. Сейчас меня хоть и пощекочет кто-нибудь, а я даже не захохочу.

— Почему не захохочешь? Давай я тебя пощекочу. Посмотрим, будешь ты хохотать или нет.

— Ой, хитренький какой. От горшка два вершка, а туда же. Сам еще телок телком, а замашки как у взрослого быка. — Она напустила на себя безразличный вид, а я тем временем стал пристально разглядывать острые носки своих сапог.

— Ну, ладно, что ты? Обиделся? Все это чепуха. Я пошутила. Я считаю тебя очень даже редким человеком. А давай я тебе одну необычную вещь покажу!

— Давай! — обрадовался я.

— Но только ты никому не проговоришься.

— Не проговорюсь.

И Халиуна повела меня на берег реки Чулуут в то место, где был глубокий омут. На этот омут она мне и указала.

— Смотри туда. Что-нибудь видишь?

— Рыба плещется. Может, окунь.

— Да нет же, дальше, за рыбой что видишь?

— Дальше за рыбой? Еще рыбу. А там еще одну!

— Ох, у тебя никакого воображения нет.

— Какого еще воображения?

— Такого воображения.

— А-а, вижу, вижу. Что-то беленькое круглое.

— Ну да.

— А что это?

— Серебряное кольцо. Я раньше носила, а потом матери испугалась и выкинула в реку. Никто не знает, никто не видит, вот в какое место запрятала. — На губах ее снова мелькнула та странная улыбка. Тогда я впервые заметил, какие белые у Халиуны зубы.

— Как ты думаешь, что это за кольцо?

— Не знаю.

— Сказать тебе?

— Скажи.

— Нет, не скажу, не скажу. Ты еще своим приятелям разболтаешь.

— Не разболтаю! Никому ничего не скажу! Я с ними только о драках разговариваю.

— Правда?

— Правда, правда.

— Тогда попаси овец вместо меня завтра после обеда.

— Ладно. Я и целый день могу попасти.

— Точно?

— Точно, — кивнул я головой, а Халиуна как будто что-то нарисовала пальцем на большом черном камне.

— Это я... — начала она и замолчала, глядя на невидимое изображение. — Это кольцо мне подарил

один человек. Он учится в университете в городе. Скоро на каникулы придет. Как красиво он говорил. Я сейчас все вспоминаю. Как хочется ему верить... Он свое кольцо, которое сам носил, мне подарил. Да ты этого не поймешь. Когда кольцо дарят, значит, будет какое-то продолжение. Ты знаешь, что такое любовь? — Она пристально посмотрела мне в глаза. На этот счет у меня были очень смутные представления, да и сам предмет казался мне тогда малоинтересным. Но то, что Халиуна доверяет мне тайну, я понимал хорошо и поэтому тут же кивнул головой.

— Как это прекрасно! Если ты иногда будешь вместо меня овец наших пасты, я расскажу тебе.

— Ладно. Я даже могу всегда вместо тебя за овцами ходить.

— Вот и хорошо. Нормальным человеком вырастешь, не то что другие. Только я тебя не каждый день буду просить. Иначе нас с тобой застукают. Иногда, может, полдня, когда мне уйти нужно будет, — попросила она. А я, естественно, согласился.

— А как зовут того человека, который подарил тебе это кольцо? — осмелился я задать давно вертевшийся на языке вопрос.

— Вот еще! Это уж слишком! Считаю, что никак. А зачем тебе его имя?

— Просто так... Интересно.

— Хм! Очень красивое имя. Такого имени ни у кого здесь нет. Правда. Даже во всем мире нет больше человека с таким красивым именем, — тихо сказала она и замолчала, глядя вдаль, туда, куда неслись быстрые воды реки.

С того дня, узнав, что любовь — это нечто прекрасное, что влюбленный человек, как Халиуна, начинает улыбаться загадочной улыбкой, а сама любовь хранится на дне реки в глубоком омуте, все, что интересовало меня раньше, как-то потускнело. Не то что драки со своими ровесниками, но даже и победы в этих драках, не говоря уже о рыбалках на незначительных мальков — все стало неинтересным.

Одновременно я стал приглядываться ко всему и размышлять, не скрывается ли здесь невидимая глазу любовь. Как только рядом со мной человек начинал смеяться, я с полдозрением старался определить, смеется он или хохочет. Вскоре я пришел к определенным выводам: ни мой отец и мать, ни мать Халиуны не смеются так, как она, ни у моей матери, ни у матери Халиуны нет серебряных колец, только золотые, поэтому и любви у них тоже нет, да и вообще в нашем хотоне только мы с Халиуной знаем, что такое любовь. Эта прекрасная любовь и сверкает на дне реки Чулуут. От таких мыслей становилось радостно и приятно. К тому же у людей есть хорошие и плохие имена, но самое хорошее имя у Халиуны. Теперь, когда я пас овец, имя Халиуны все время повторялось словно бы само собой внутри меня, а иногда я кричал даже довольно громко: «Халиуна, Халиуна», — от чего конь подо мной вздрагивал и настораживался.

Через несколько дней Халиуна потихоньку подозвала меня и, отведя в сторону, зашептала:

— Как вчера здорово было! Теперь у меня есть следы.

— Дай посмотреть.

— Смотри хорошенько. Да ты, наверное, не видишь. У тебя глаза еще не раскрылись, ты ведь еще цыпленочек.

— Тогда ты сама скажи. Я и увижу.

— Здесь. На губах... Что видно?

— Ничего не видно.

— Они невидимые, неужели не понятно?

— Да что именно?

— Неужели ты не видишь — следы его губ на моих губах... Он вчера меня поцеловал. Ты даже не представляешь, как он целуется, — мечтательно произнесла она, и когда, закрыв глаза, провела пальцем по своим губам, на них снова заиграла блаженная таинственная улыбка. Ее ровные белые зубы словно бы полыхнули огненным светом.

Действительно, птенец я еще, раз до сих пор не заметил, какие красивые у Халиуны губы. Теперь с первого взгляда буду различать следы поцелуев на губах других людей.

На следующее утро Халиуна спросила у меня:

— Что тебе снилось?

— Не знаю. Наверное, ничего не снилось. А тебе?

— А мне снилось. Как ты думаешь, что мне снилось? Я проснулась и сразу же облизала губы и, представляешь, они такие сладкие были!

— А, понял! Тебе приснилось, что ты что-то вкусненькое ела?

— Да ты что — ела! Гораздо лучше.

— Ну, тогда что же тебе приснилось?

— О таких снах никому не рассказывают.

— А если расскажешь?

— Если расскажешь, то сон твой не сбудется.

— Тогда лучше не рассказывай.

— Ты действительно еще малыш. Когда думаю о твоей наивности, то сразу хочется рассказать. Жалко, что нельзя. Я так хочу, чтобы этот сон сбылся.

— Ну ладно, ладно, — якобы согласился я, а сам подумал: «Какой же все-таки сон ей приснился? Если бы я попросил хорошенько, наверное, рассказала бы». В душу закралась обида.

— Твой сон обязательно сбудется, — пообещал я Халиуне и, смотря, она обрадовалась.

— Хоть бы это было так, — в ответ произнесла она.

— Наверное, здорово — хороший сон увидеть?

— Не просто здорово. Весь день душа поет. Некоторые хорошие сны несколько дней из головы не выходят. Вообще, есть ли в этом мире что-нибудь лучше снов? Иногда человек во сне испытывает такое счастье, которого в жизни не бывает. Вот бы присниться кому-нибудь!

— Присниться кому-нибудь?

— Да-а. Он меня несколько раз во сне видел.

— Как здорово! Другой человек тебя во сне видит...

— Тебя тоже скоро во сне кое-кто увидит.

— Кто?

— Один человек.

«Один человек...» Это показалось мне странным. «Кто меня может во сне увидеть?» Думал я думал, но кроме нее на ум никто не приходил. «Да-а, как было бы здорово. Вот бы получше присниться. Если бы она меня во сне увидела, то, наверное, сказала бы...» Иногда мне казалось, что я приснился Халиуне, но мне-то, как я ни старался, не снилось ничего. Халиуна никак не появлялась. Может, она уходила во сны к кому-нибудь другому.

Иногда я даже просил: «Приснись мне». Конечно, я чувствовал, что так просить нельзя, но все равно приснил... взглядом. Тем временем я заметил, что Халиуна стала все время напевать какую-то песенку. И слова у этой песенки были хорошими.

— Откуда ты знаешь эту песню?
 — Он меня научил.
 — Как же быстро ты выучила.
 — Песню выучить ничего не стоит. А вот забыть ее трудно.

— Зачем забывать? Пой.
 — Ой, какой же ты младенец!
 — А выученную песню забыть можно?
 — Можно. Но некоторые не забываются, тревожат, — сказала она и грустно затанула: «Далеко ли небо любимой?..»

— Ты почему такая грустная?
 — Встречи, расставания — это страшно, — вздохнула она. — Он послезавтра в город уезжает. Останусь как озеро, которое не может полететь вслед за птицами, — она отвела от меня взгляд.

И тут же на глазах выступили слезы. То ли от слез, то ли потому, что девушка не хотела чужой жалости, она замолчала. Потом достала платок, вытерла глаза.

— Я тебе не говорила, но этот платок тоже он мне подарил.

Я покрутил, повертел его и заметил, что от платка шел какой-то резкий запах. Халиуна увидела, что я нюхаю ее платок и тут же вырвала его у меня из рук.

— Больше никогда не нюхай женских платков, — резко сказала она.

С тех пор черные глаза Халиуны, полные слез, постоянно виделись мне — и когда я овец пас, и когда лежал ночью без сна, вперив взор в тооно*. Я не спал, но постоянно находился в каком-то странном состоянии: ее глаза, зубы — весь облик представлялся очень отчетливо. Рядом все время слышался звук ее голоса. Это меня удивляло. Наверное, все это было связано с тем, что я никак не мог увидеть Халиуну в нормальном сне. Да и сам никак не мог попасть в ее сновидения.

Через день после того, как Халиуна показала мне платок, вечером я решил попросить ее разучить со мной ту песню. Прибежал к ней, едва успев загнать домой овец после дойки. Увидев меня, она села на землю в ожидании. Я подбежал, присел рядом и тут же хотел выпалить: «Научи меня той песне», но осекся, посмотрев на нее. Ее шею как будто кто-то разукрасил.

— Сестрица, кто разукрасил твою шею?

— Что-о? — Она в испуге стала ощупывать себя. Я прижал ее пальцы к синякам.

— Вот здесь. Красный с синим.

— Ой, что делать? Только бы мать не заметила. — И она стала судорожно застегивать пуговицы воротника-стойки.

— А теперь видно?

— Нет.

— Ну, ладно. Хорошо, что ты заметил, — вздохнула она и, наклонившись к самому моему уху, едва выговорила: «Ну, вот и уехал».

Да, в такой момент не до песен. Хотел спросить, но раздумал. А ее слова о том, что он уехал, произвели на меня неожиданное впечатление. Я обрадовался, но постарался радость эту скрыть от Халиуны. И если бы кто-нибудь посмотрел на меня в этот момент, то, несомненно, заметил бы следы раньше никогда не появлявшейся на моих губах особой улыбки.

В тот же день я решил подарить Халиуне такой же платок с особым ароматом. Чтобы это осуществить, я

взял у отца несколько книг, продал их, выручил немного денег и, приехав в сомонный центр, отправился по магазинам. Но, к сожалению, ничего не нашел. Позже я узнал, что такие платки нигде не продаются.

После того, как человек с прекрасным именем уехал, Халиуна стала день-деньской напевать песню «Далеко ли небо любимой?», и я без труда ее выучил.

Однажды утром, когда я пас овец, прибежала Халиуна. Она смеясь обняла меня, поцеловала сначала в правую, потом в левую щеку и прижала мою голову к своей груди.

— Я ночью его во сне видела. Это знак — скоро письмо мне придет, понимаешь, что значит письмо?

В ответ лишь слюну сглотнуть.

— Понимаю. Ты тоже мне приснилась, — едва вымолвил я и почувствовал ужасную сухость в горле. Слава богу, Халиуна не обратила на это внимания.

— Правда, правда. А ты еще маленький, чтобы все понимать. — Она чуть не подпрыгивала от радости.

В то утро я узнал, какие у Халиуны горячие и нежные губы. Снова и снова вспоминал я, какие теплые лучи исходили от ее тела, когда она прижимала мою голову к своей груди, и я даже тайно представлял, как сплю, обнимая Халиуну.

Примерный день получения письма давно миновал. Халиуна теперь все больше молчала и проводила много времени в одиночестве, сидя на берегу реки возле омута, на дне которого лежало заветное кольцо. Мы с ней даже попытались подцепить его концом урга*, но дно омута подернулось илом и кольцо не нашлось. После этого Халиуна еще больше загрустила. Мне же было грустно оттого, что, как я ни старался, Халиуну развеселить не удавалось. Но в глубине души я был рад тому, что ожидаемое письмо все не приходило.

В один из таких дней, когда Халиуна сидела в одиночестве на берегу реки Чулут, я подошел к ней. Халиуна как будто плакала.

— Ты что?

— Ничего.

— Тогда почему плакала?

Она в ответ лишь глубоко вздохнула.

— Когда вырастешь, не относись к людям хорошо.

— Это еще почему?

— У самого ничего не останется.

— Не останется? Ты про сон?

— Сначала ты не понимаешь, чего именно не останется. А вот когда потеряешь, поймешь.

— И этого нигде снова не найдешь?

— Ты правда еще младенец. То, что потеряешь, не найдешь.

Долгими осенними вечерами я все думал над смыслом этих загадочных слов. А потом наступило время перекочевки на зимние стойбища и наши семьи разъехались в разные стороны. Я поклонился себе, что подарю ей точно такое же кольцо, как то, что сгнуло на дне темного омута.

Начались занятия в школе. Как я ни присматривался к своим одноклассникам, ни у одной из них не было таких глаз и зубов, как у моей Халиуны. Никто так не смеялся, как она. Ни в других классах, ни среди девушек сомонного центра второй такой не находилось. В конце осени до меня дошел слух, что Халиуна уеха-

* Тооно — дымоходное отверстие в крыше юрты

* Урга — укрюк, т. е. длинный шест с петлей на конце для ловли скота.

ла в город. Я тут же решил заказать мастеру Миджиду серебряное кольцо и начал копить деньги. Вот поеду в город учиться, мечтал я, найду там Халиуну, мы с ней будем долго беседовать... И вот, когда я уже порядочно скопил из тех денег, что давали мне родители и старший брат с сестрой, одноклассники открыли мой сундук и украли все сбережения. Я сначала хотел было пожаловаться учителям и директору, но подумал,

что начнутся расспросы: «Что за деньги? Да почему такие большие деньги хранил?» — и решил не говорить. Тогда-то я и узнал, какими горькими и солеными бывают слезы.

Халиуну с тех пор я больше не видел. Шли годы. Наш с нею возраст сравнился, а потом я стал старше Халиуны, и ничего уже не вернуть, потому что мы с ней все дальше друг от друга.

Предатель

Мальчик лет десяти с оттопыренными ушами на круглой голове смотрит на меня в упор. Это я сам, каким когда-то был. А напротив мальчика сидит мужчина пятидесяти с лишним лет, лысый, с изрядным животом и толстыми мясистыми ушами. Это я, какой есть теперь.

Мы с интересом разглядываем друг друга. Младший спрашивает:

— Вы когда-нибудь убивали людей?

Я отвечаю:

— Что ты, конечно нет...

Младший удивляется:

— Неужели? — Он произносит это так, словно подзревает меня в чем-то.

«Пожалуй, во сне и убивал. В мыслях убивал. Невольно убивал словами. Короче говоря, я — убийца», — размышляю я про себя, но вслух сказать не могу, смелости не хватает. А младший снова задает вопрос:

— Лгали?

— Да, — отвечаю я.

— Зачем же вы лгали? Как же ваше обещание никогда не лгать в своей жизни?

— Жизнь, дружок, совсем не то, что ты думаешь. В жизни не бывает прямых путей.

— Почему не бывает? Неужели невозможно прожить жизнь без лжи? Не лучше ли умереть в таком случае? — Мальчуган всхлипнул.

«Действительно, не лучше ли умереть, чем жить во лжи», — подумал я, но сказал другое:

— Кто же хочет умереть?

Мальчик по-прежнему плакал:

— Вы не умерли, но где же ваши многочисленные табуны? «Если у меня будет много коней, то главное дело моей жизни будет сделано» — ведь так вы говорили.

— Это пустые мечты молодости. Со временем они изменяются. Жизнь — это поражения. То, чего достиг, отличается от того, чего хотел достичь.

— Неужели нужно жить без мечтаний и надежд, в страхе и ненависти?

— А что делать?

— Жаль. Чем так жить, лучше, действительно, умереть. «Чем плохо жить, лучше хорошо умереть» — ведь так вы говорили когда-то. Так умрите же теперь! Умрите! — он сорвался на крик. Я же горестно молчал.

Мальчуган захлебывался слезами:

— Не можете умереть? Мерзкий предатель! Тогда умру я! — Он отвернулся от меня и тут же исчез, перешагнув порог моего сна...

Родственники

Грусть, тоска и скука — родные сестры. Родственницы одиночества. Самая светлая и чистая из них — грусть. Ядовитая — тоска. А самая ленивая — скука.

Грусть — милый младенец, избалованное нежное дитя. Тоска — толстая и жестокая. Скука — глупая. Грусть, в отличие от остальных, это обновление. Тоска же наполнена затхлостью старости и плесенью

времени. Скука представляется мне чем-то тяжелым, ветхим и ржаво-серым.

Грусть проходит, от тоски избавляются, а от скуки гибнут. И грусть, и тоска, и скука — это слезы. Если грусть наполняет сердце горячими лучами слез, то тоска старается ослабить тебя соленым вкусом слез. А вот скука слезы в твоей груди замораживает навеки.

Отражение темноты

Мне темнота милей, чем свет,
Ту красоту, что днем не разглядишь,
Ты ночью замечаешь,
И ягод диких вкус во тьме отчетливей бывает,
Начало и конец всему с ночью тьмою совпадают,
И слышно хорошо во тьме,

Как гладит ветер лепестки цветов.
Запреты многие снимает темнота,
И облегчение душе приносит,
И тайны сокровенные всегда
В слезах, что льются в темноте, с собой уносит.

Афоризмы

- Большой талант берет свое начало в чистой душе.
- Счастье есть мгновение. Слова «Как прекрасно!» звучат в душе всего лишь секунду.
- Тишину можно назвать сокровищем природы. Но, к сожалению, она не бесконечна.
- Если есть в жизни какой-то свет, то это любовь.
- Слава — это взваленный на плечи талантливого человека валун лесты. Умные люди не только выбирают из-под него, но, взобравшись на него, стоят гордо поднятой головой.

- Зрителям нравится, когда жизнь красива, а смерть величественна, но от этого страдает искусство.
- Нет такого сосуда, чтобы полностью вместил в себя спокойствие и благополучие.
- Любая власть держится на грехе.
- Все тайны мира держатся на тишине, темноте и разуме.
- Зависть — родная сестра жадности.
- Звери и птицы для нас — не загадка. Люди достаточно хорошо изучили их. А вот что думают животные о нас? Неразгаданная тайна.
- В жизни должна быть сказка. Если ее нет, то ее следует придумать.

Перевод с монгольского М. П. Петровой

Монгольские народные песни

Бледная гора вдали
Белый оттеняет субурган.
Бедные родители мои,
Беспреданно думаю о вас!
На горе, что с запада встает,
На деревьях птицы драгоценны.
Драгоценнейшая среди всех на свете,
Дар небесный — матушка моя!
Горы с севера синеют густо.
Гордыми джононами известны.
Драгоценнейшая среди всех на свете,
Дар небесный — матушка моя!
А за южным склоном теплым
Аймак той, что сердце мне тревожит.
Драгоценнейшая среди всех на свете,
Дар небесный — матушка моя!
Желтый свет упал с горы восточной.
Жеребцами славится она.
Драгоценнейшая среди всех на свете,
Дар небесный — матушка моя!

* * *

Ивовый седеет лист.
Иволги кричат: «Прощай».
Иноходь коня стучит.
Иней по утрам так чист.
Караганы седеет лист.
Караваны уж тянутся к югу.
Капли мерно падают вниз.
Как до лета мне встретиться с другом!

* * *

Подгонял, подгонял, подгонял
коня Дод-гуай.
А земля, а земля, а земля
и леса все те же.
Мчал коня, мчал коня, мчал коня
сильней Дод-гуай.
А качалась, качалась, качалась
У ног его степь все та же.

* * *

Западной излучины реки
Запах одурманил ароматный.
Заревно-чубарого коня,
До чего копыта хороши!
Северной излучины реки
Семеро джононов знамениты.
Стелется в полете армак,
До чего копыта хороши!

Южная излучина реки
Юркими протоками богата.
Юного коня не удержать,
До чего копыта хороши!
Изучины реки восточной
Изучены все камни под водой.
Измученный мой конь плетется,
Но до чего копыта хороши!

* * *

Друга быстрого — коня
Дружбу плеткой испытаю.
Двух влюбленный неразлучных
Души ложью испытаю.
Друга чалого — коня
Дружбу плеткой я проверю.
Двух людей любовь и верность
До разлуки не проверить!

* * *

В весеннее время года
Веселые птицы беспечны
О, все разумеющие на свете,
Всесветлые господа!
Год напролет повсюду
Гомои птичий стоит.
О, голосу права внимающие,
Гордые господа!
Лето — отрадное время.
Летят разноцветные птицы.
О, лесь и угоду презревшие,
Ликующие господа!
Расстилаются щедро долины.
Растворяются в песне птицы.
О, различающие добро и зло,
Радость дающие господа!
Государство свое укрепляя,
Господа справедливо живущие,
Гостем вашим на праздник придя,
Горсть магталов спую я в дар!

* * *

На вершине святого Алтая
Нарушает покой соловей.
Начинает от звуков тех
Тихо слабеть мерин.
Камии скалистой Ижил,
Как неприступны они.
Как далеко родные.
Как тяжело без них!

Светлый Хангай молчит.
 Свежий след вверх спешит.
 Снежно-седая мать,
 К тебе бы с поклоном прийти!
 По лисьей крутой тропе
 По лесу тень чья-то летит.
 Полынно-седой отец,
 К тебе бы с поклоном прийти!
 Вершина горы одичала.
 Вокруг лишь бурьян качается.
 Верхом проезжаю по кручам.
 О доме родном я грущу.
 Чалый красавец мой стройный.
 «В чьем ты сейчас табуне?»
 Черные взгляды любимой
 Что-то припомнились мне.

* * *

Как воды источника Улан
 Каждый верит, что напьется непременно.
 Как с подружками из местности Ушгай
 Каждый верит, что повстречается, наверное.
 Чиста и ароматна Шишхит-река.

* * *

Проста и безмятежна здесь жизнь моя.
 Звонка и мелодична птиц перекличка,
 Когда они купаются в тихих заводях.

* * *

Средний Том уж давно позабыт-позабыт.
 Сердца трепет никак не забыть.
 Скалы Тома совсем позабыл-позабыл.
 Сладкую песню твою не забыть!
 Северный Том я успел позабыть-позабыть.
 Синюю даль мне твою никогда не забыть!

* * *

По скалисту Тому спешит буланый.
 Последний луч солнца упал.
 Почтенный седок качается пьяно,
 Парчовая шапка съезжает набок.
 По скалисту Тому спешит буланый,
 Покатилась по небу звезда.
 Покосилась фигура почтенного.
 Парчовая шапка в грязи.

* * *

На заре горы Золотой
 Нарушает покой соловей.
 Нашим чтимым, любимым нойонам
 Я подарок преподнесу.
 На горе Откровений Сердец
 На заре веселится косуля.
 На скале созерцаний — Сумэру
 Ястреб радостно, громко кричит.
 Нашим чтимым светлым монахам
 Я подарок преподнесу.
 Спешу по вершинам вдоль скал.
 Стыжусь, что дели порвал.
 Скачу по степям и горам.
 Скажу потом, как устал.
 О, возрадившие, в мир отпустившие,
 Матушка бедная, отец мой седой!

* * *

Бодхисаттва великой добродетели,
 Будь счастлив постоянно отныне.
 Беспечально молиться о святости
 Беспристрастно позволь ничтожным!
 Свое государство великое
 Соизволь поскорее возвысить,
 Своеволье ничтожно живущих
 Своим свойством святым умерь!
 Ставшего Буддой великое имя
 Старшим во веки веков да пребудет!
 Станем молиться о счастье возвышенном.
 Старость пусть встретим в спокойствии тихом!
 Вознесенный хозяин над всем — бодхисаттва,
 Возлюбить соизволь всех живущих.
 Возложи обязательство — мир соблюдать.
 Воздадим тебе почести и поклонения!
 Родоначальник великий — о, Будда!
 Родовые владенья расширь.
 Радость великую всем потомкам
 Разными благостями доставь!
 Будда, свершающий добродетель.
 Будь счастлив силою вечного неба!
 Благословля князей, помолимся
 Будущей жизни в перерождениях.

Перевод с монгольского И.В.Кульганек